

ИЗ КОПИЛКИ ДЕТЕКТИВА

Антология мирового детектива в шести томах

Редакционная коллегия
серии:

А.Б.Горянин
В.И.Селиванова
М.А.Утевский
В.Н.Филиппова

Составители
второго тома:

А.Б.Горянин, В.Н.Филиппова

Оформление серии
художников:

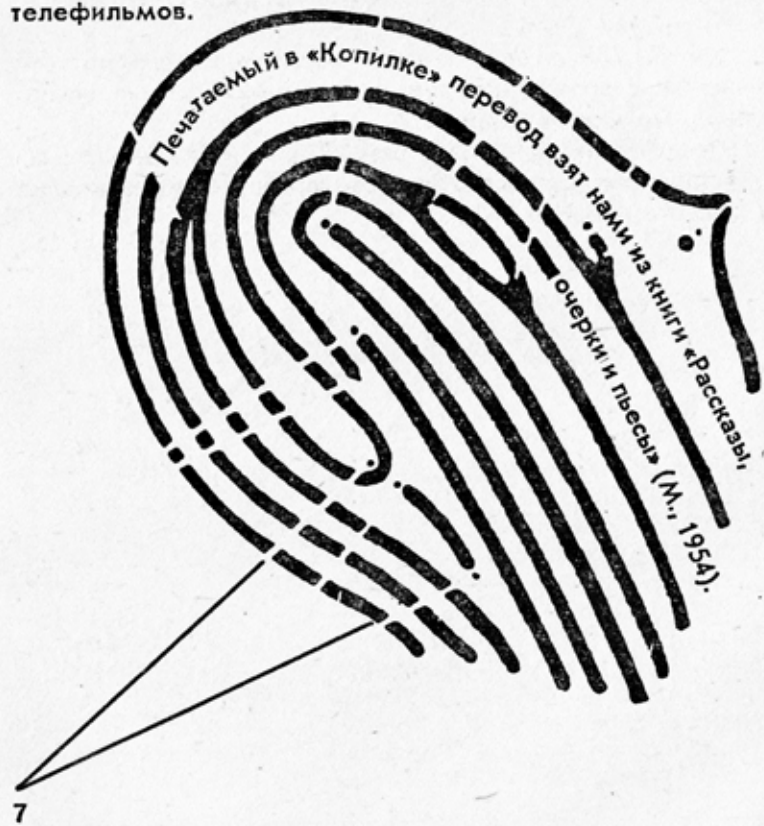
А.Б.Боброва, И.В.Красильникова

АО «Инициатор»
1993

ТОМ **2**

Карел Чапек — Karel Čapek (1890—1938), один из крупнейших чешских писателей XX века. Реалист по преимуществу, он является также автором получивших мировую известность произведений с фантастической основой, создателем слова «робот». В двух вышедших в 1929 году сборниках («Рассказы из одного кармана» и «Рассказы из другого кармана») кое-что можно условно отнести к детективному жанру. Рассказ «Поэт» неоднократно переводился на русский язык, по нему был сделан один из ранних отечественных телефильмов.

Поэт

Заурядное происшествие: в четыре часа утра на Житной улице автомобиль сбил с ног пьяную старуху и скрылся, развив бешеную скорость. Молодому полицейскому чиновнику Мейзлику предстояло отыскать это авто. Как известно, молодые полицейские чиновники относятся к делам очень серьезно.

— Гм... — сказал Мейзлик полицейскому номер 141. — Итак, вы увидели в трехстах метрах от вас быстро удаляющийся автомобиль, а на земле — распростертое тело. Что вы прежде всего сделали?

— Прежде всего подбежал к пострадавшей, — начал полицейский, — чтобы оказать ей первую помощь.

— Сначала надо было заметить номер машины, — проворчал Мейзлик, — а потом уже заниматься этой бабой... Впрочем, и я, вероятно, поступил бы так же, — добавил он, почесывая голову карандашом. — Итак, номер машины вы не заметили. Ну, а другие приметы?

— По-моему, — неуверенно сказал полицейский номер 141, — она была темного цвета. Не то синяя, не то темно-красная. Из глушителя валил дым, и ничего не было видно.

— О, господи! — огорчился Мейзлик. — Ну, как же мне теперь найти машину? Бегать от шофера к шоферу и спра-

шивать: «Это не вы переехали старуху?» Как тут быть, скажите сами, любезнейший?

Полицейский почтительно и равнодушно пожал плечами.

— Осмелюсь доложить, у меня записан один свидетель. Но он тоже ничего не знает. Он ждет рядом в комнате.

— Введите его, — мрачно сказал Мейзлик, тщетно стараясь выудить что-нибудь в куцем протоколе. — Фамилия и местожительство? — машинально обратился он к вошедшему, не поднимая взгляда.

— Кралик Ян, студент механического факультета, — отчетливо произнес свидетель.

— Вы были очевидцем того, как сегодня в четыре часа утра неизвестная машина сбила Божену Махачкову?

— Да. И я должен заявить, что виноват шофер. Судите сами, улица была совершенно пуста, и если бы он сбавил ход на перекрестке...

— Как далеко вы были от места происшествия? — прервал его Мейзлик.

— В десяти шагах. Я провожал своего друга из... из кафе, и когда мы проходили по Житной улице...

— А кто такой ваш друг? — снова прервал Мейзлик. — Он тут у меня не значится.

— Поэт Ярослав Нерад, — не без гордости ответил свидетель. — Но от него вы ничего не добьетесь.

— Это почему же? — нахмурился Мейзлик, не желая выпустить из рук даже соломинку.

— Потому, что он... у него... такая поэтическая натура. Когда произошел несчастный случай, он расплакался, как ребенок, и побежал домой... Итак, мы шли по Житной улице; вдруг откуда-то сзади выскочила машина, мчавшаяся на предельной скорости...

— Номер машины?

— Извините, не заметил. Я обратил внимание лишь на бешеную скорость и говорю себе — вот...

— Какого типа была машина? — прервал его Мейзлик.

— Четырехтактный двигатель внутреннего сгорания, — деловито ответил студент-механик. — Но в марках я, понятно, не разбираюсь.

— А какого цвета кузов? Кто сидел в машине? Открытая или лимузин?

— Не знаю, — смущенно ответил свидетель. — Цвет, кажется, черный. Но, в общем, я не заметил, потому что, когда произошло несчастье, я как раз обернулся к прия-

телю: «Смотри, говорю, каковы мерзавцы: сбили человека и даже не остановились».

— Гм... — недовольно буркнул Мейзлик. — Это, конечно, естественная реакция, но я бы предпочел, чтобы вы заметили номер машины. Просто удивительно, до чего ненаблюдательны люди. Вам ясно, что виноват шофер, вы правильно заключаете, что эти люди мерзавцы, а на номер машины вы — ноль внимания. Рассуждать умеет каждый, а вот по-деловому наблюдать окружающее... Благодарю вас, господин Кралик, я вас больше не задерживаю.

Через час полицейский номер 141 позвонил у дверей поэта Ярослава Нерада.

— Дома, — ответила хозяйка квартиры. — Спит.

Разбуженный поэт испуганно вытаращил заспанные глаза на полицейского. «Что же я такого натворил?» — мелькнуло у него в голове.

Полицейскому наконец удалось объяснить Нераду, зачем его вызывают в полицию.

— Обязательно надо идти? — недоверчиво осведомился поэт. — Ведь я все равно уже ничего не помню. Ночью я был немног...

— Под мухой, — понимающе сказал полицейский. — Я знаю многих поэтов. Прошу вас одеться. Я подожду.

По дороге они разговаривали о кабаках, о жизни вообще, о небесных знаменьях и многих других вещах; только политике были чужды оба. Так, в дружеской и поучительной беседе, они дошли до полиции.

— Вы поэт Ярослав Нерад? — спросил Мейзлик. — Вы были очевидцем того, как неизвестный автомобиль сбил Божену Махачкову?

— Да, — вздохнул поэт.

— Можете вы сказать, какая это была машина? Открытая, закрытая, цвет, количество пассажиров, номер? Поэт усиленно размышлял.

— Не знаю, — сказал он. — Я на это не обратил внимания.

— Припомните какую-нибудь мелочь, подробность, — настаивал Мейзлик.

— Да что вы! — искренне удивился Нерад. — Я никогда не замечаю подробностей.

— Что же вы вообще заметили, скажите, пожалуйста? — иронически осведомился Мейзлик.

— Так, общее настроение, — неопределенно ответил

поэт.— Эту, знаете ли, безлюдную улицу... длинную... предрасветную... И женская фигура на земле... Пойдите! — вдруг вскричал поэт.— Ведь я написал об этом стихи, когда пришел домой.

Он начал рыться в карманах, извлекая оттуда счета, конверты, измятые клочки бумаги.

— Это не то, и это не то... Ага, вот оно, кажется.— И он погрузился в чтение строчек, написанных на оборотной стороне конверта.

— Покажите мне,— снисходительно предложил Мейзлик.

— Право, это не из лучших моих стихов,— скромничал поэт.— Но если хотите, я прочту.

Закатив глаза, он начал декламировать нараспев:

Дома в строю темнели сквозь ажур,
Рассвет уже играл на мандолине.
Краснела дева.

В дальний Сингапур
Вы уносились в гоночной машине.
Повержен в пыль надломленный тюльпан.
Умолкла страсть. Безволие... Забвенье.
О шея лебедя!
О груди!

О барабан и эти палочки —
трагедии знаменье!

— Вот и все,— сказал поэт.

— Извините, что все это значит? — спросил Мейзлик.— О чем тут, собственно, речь?

— Как о чем? О происшествии с машиной,— удивился поэт.— Разве вам непонятно?

— Не совсем,— критически изрек Мейзлик.— Как-то из всего этого я не могу установить, что «июля пятнадцатого дня, в четыре часа утра, на Житной улице автомобиль номер такой-то сбил с ног шестидесятилетнюю нищенку Божену Махачкову, бывшую в нетрезвом виде. Пострадавшая отправлена в городскую больницу и находится в тяжелом состоянии». Обо всех этих фактах в ваших стихах, насколько я мог заметить, нет ни слова. Да-с.

— Все это внешние факты, серая действительность,— сказал поэт, теребя себя за нос.— А поэзия — это внутренняя реальность. Поэзия — это свободные сюрреалистические образы, рожденные в подсознании поэта, понимаете? Это те зрительные и слуховые ассоциации, которыми

должен проникнуться читатель. И тогда он поймет,— укоризненно закончил Нерад.

— Скажите пожалуйста! — воскликнул Мейзлик.— Ну, ладно, дайте мне этот ваш опус. Спасибо. Итак, что же тут говорится? Гм... «Дома в строю темнели сквозь ажур...» Почему в строю? Объясните-ка это.

— Житная улица,— безмятежно сказал поэт.— Два ряда домов. Понимаете?

— А почему это не обозначает Национальный проспект? — скептически осведомился Мейзлик.

— Потому что Национальный проспект не такой прямой,— последовал уверенный ответ.

— Так, дальше: «Рассвет уже играл на мандолине...» Допустим. «Краснела дева...» Извиняюсь, откуда же здесь дева?

— Заря,— лаконически пояснил поэт.

— Ах, прошу прощения. «В дальний Сингапур вы уносились в гоночной машине»?

— Так, видимо, был воспринят мной тот автомобиль,— объяснил поэт.

— Он был гоночный?

— Не знаю. Это лишь значит, что он бешено мчался. Словно спешил на край света.

— Ага, так. В Сингапур, например? Но почему именно в Сингапур, боже мой?

Поэт пожал плечами.

— Не знаю, может быть, потому, что там живут малайцы.

— А какое отношение имеют к этому малайцы? А?

Поэт замаялся.

— Вероятно, машина была коричневого цвета,— задумчиво произнес он.— Что-то коричневое там непременно было. Иначе откуда взялся бы Сингапур?

— Так,— сказал Мейзлик.— Другие свидетели говорили, что авто было синее, темно-красное и черное. Кому же верить?

— Мне,— сказал поэт.— Мой цвет приятнее для глаза.

— «Повержен в пыль надломленный тюльпан»,— читал далее Мейзлик.— «Надломленный тюльпан» — это, стало быть, пьяная побирушка?

— Не мог же я так о ней написать! — с досадой сказал поэт.— Это была женщина, вот и все. Понятно?

— Ага! А это что: «О шея лебедя, о груди, о барабан!»

Свободные ассоциации?

— Покажите,— сказал, наклонясь, поэт.— Гм... «О шея лебеда, о грудь, о барабан и эти палочки...» Что бы все это значило?

— Вот и я то же самое спрашиваю,— не без язвительности заметил полицейский чиновник.

— Постойте,— размышлял Нерад.— Что-нибудь подсказало мне эти образы... Скажите, вам не кажется, что двойка похожа на лебединую шею? Взгляните.

И он написал карандашом 2.

— Ага! — уже не без интереса воскликнул Мейзлик.— Ну, а это: «грудь»?

— Да ведь это цифра три, она состоит из двух округлостей, не так ли?

— Остаются барабан и палочки! — взволнованно воскликнул полицейский чиновник.

— Барабан и палочки... — размышлял Нерад.— Барабан и палочки... Наверно, это пятерка, а? Смотрите,— он написал цифру 5.— Нижний кружок словно барабан, а над ним палочки.

— Так,— сказал Мейзлик, выписывая на листке цифры.— Вы уверены, что номер авто был 235?

— Номер? Я не заметил никакого номера,— решительно возразил Нерад.— Но что-то такое там было, иначе бы я так не написал. По-моему, это самое удачное место? Как вы думаете?

Через два дня Мейзлик зашел к Нераду. На этот раз поэт не спал. У него сидела какая-то девица, и он тщетно пытался найти стул, чтобы усадить полицейского чиновника.

— Я на минутку,— сказал Мейзлик.— Зашел только сказать вам, что это действительно было авто номер двести тридцать пять.

— Какое авто? — изумился поэт.

— «О шея лебеда, о грудь, о барабан и эти палочки!» — одним духом выпалил Мейзлик.— И насчет Сингапура правильно. Авто было коричневое.

— Ага! — вспомнил поэт.— Вот видите, что значит внутренняя реальность. Хотите, я прочту вам два-три моих стихотворения? Теперь-то вы их поймете.

— В другой раз! — поспешил ответить полицейский чиновник.— Когда у меня опять будет такой случай, ладно?

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Л. Стивенсон. Похитители трупов. <i>Пер. с англ. под ред. Т. Фединой</i>	5
Жан Ришпен. Образцовое преступление. <i>Пер. с франц. под ред. Д. Котовой</i>	33
Хидон Хилл. Из записок агента тайной полиции Замбра. <i>Пер. с англ. под ред. В. Филипповой</i>	49
Норман Веннер. Наследство Уилкинсона. <i>Пер. с англ. под ред. В. Филипповой</i>	77
Раймунд Аллен. Удачное решение. <i>Пер. с англ. А. Котова</i>	93
Арнольд Беннет. Кража. <i>Пер. с англ. под ред. Д. Котовой</i>	111
Карел Чапек. Поэт. <i>Пер. с чешского Т. Аксель</i>	125
Питер Чейни. Таинственная пара. <i>Пер. с англ. Ю. Хазанова</i>	133
Уильям Ч. Холл. Материалы военно-следственной комиссии по делу о медали для Горация. <i>Пер. с англ. А. Горянина и А. Атакузица</i>	177
Энтони Уилсон. Тайна черной шкатулки. <i>Пер. с англ. А. Горского</i>	185
Уильям Фолкнер. Дым. <i>Пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой</i>	215
Шарлотта Армстронг. Утром, в день святого Патрика. <i>Пер. с англ. А. Горского</i>	245

Из копилки детектива

Том 2. Часть «а»

Ответственный за выпуск: В. А. Балашов
 Коммерческий директор: В. С. Хабенский
 Редакторы: Д. А. Котова, Т. И. Федина
 Младший редактор: М. В. Рожкова
 Художники: А. Б. Бобров, И. В. Красильников
 Художественный редактор: Н. Р. Боброва
 Технические редакторы: Н. Л. Федорова, Г. А. Полякова
 Корректоры: Л. А. Перовская, Л. П. Сидорова

Подписано в печать 14.01.93.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Тип Таймс.

Печать высокая.

Объем: усл. печ. л. 14,28; учет.-изд. л. 14,41.

Доп. тираж 50 000 экз. Заказ № 8820. С 016.

АО «Инициатор»,
 103055, Москва, Угловой пер., 2.

Отпечатано с готовых диапозитивов
 на ордена Трудового Красного Знамени
 ПО «Детская книга»
 Мининформпечати РФ.
 127018, Москва, Суцеский вал, 49.